

СМЕСЬ

⁵⁸Некоторые изречения, кажущиеся с первого взгляда *парадоксами*, становятся почти афоризмами, когда мы прилежнее их обдумываем. Таково известное изречение Стерна⁵⁹, что французы — *самая степенная в мире нация*. Хотите ли увериться в истине сих слов, принятых за шутку? Посмотрите, как систематически французы поступают в своих наслаждениях... Я не говорю уже о наслаждениях *вещественных* или *гастрономических*: учреждение французского стола, порядок блюд и питья вин и пр. и пр. суть плоды глубоких соображений и приняты большею частию образованных народов за ненарушимый закон Комуса⁶⁰; я хочу сказать о наслаждениях *умственных* или *нравственных* — выбирайте любое из сих прилагательных. Французы любят наслаждаться произведениями искусств чинно, вполне и нисколько не меняя своих ощущений. Если в театр они созваны плакать или трепетать, то никак не хотят, чтобы другое какое-либо чувство развлекало их жалость или ужас. Случается, правда, что забавная ошибка актера или незнание роли взманит на смех парижскую публику, но этот смех бывает *hors d'oeuvre*, или лучше сказать *à parté*⁶¹, и отнюдь не в связи с представлением: нахохочутся и снова примутся слушать с прежнею важностию, как ни в чем не бывали*. Но у французов есть свое время и место посмеяться тому, над чем они

* Сочинителю этой статьи случилось быть очевидцем и участником такого смеха. В одно представление Вольтерова “Эдипа” в Париже актер Демуссо вышел в роли Филоктета на сцену и на вопрос:

Philoctète, est-ce vous?⁶²

замаялся, стоял и молчал выпуча глаза. Партер захохотал, за ним весь театр, и это продолжалось около четверти часа. После того все замолчали, и молчаливый Филоктет так же безмолвно сошел со сцены. Явились Тальма и Дюшенуа — и смех и Филоктет — все было забыто, как будто бы никакое постороннее ощущение не волновало пред тем толпу зрителей. Замечу, что в это же представление г-жа Дюшенуа, тогда уже почти *беззубая*, сказала в одном стихе: “Il l'ont léché sanglant” вместо “laissé...”⁶³. Эта обмолвка мне, как иностранцу, показалась смешною; но из парижан никто не обратил на нее внимания, и все восхищались прекрасною (хотя слишком измученною) декламацией актрисы.

плакали: *бульварные театры и пародии*. Некоторые из сих последних в самом деле очень забавны. Такова, напр., пародия на трагедию Казимира Делавиня⁶⁴ “Les Vèpres siciliennes”. В сей пародии (“Cadet-Roussel Procida”) местами весьма счастливо переиначены звучные стихи К. Делавиня. Других пародий все достоинство состоит в игре слов, в каламбуре заглавия подлинной пьесы. Таким образом, когда появилась долгожданная опера “Олимпия” (“Olympic”, mus. de Spontini), то на одном из бульварных театров на другой же день представлена была пародия⁶⁵ “Oh l’impie! ou enfin la voilà”. Не одни драматические сочинения накликают на

33

себя пародии: романы и другие замечательные произведения французской словесности подвергаются той же участи. После появления романа “Ipsiboë” напечатана была пародия оного “Inertie bon-bes”. Новое сочинение Виктора Гюго⁶⁶ “Последний день осужденного на смерть” удостоилось двух пародий: “Le lendemain du dernier jour dun condamné” (“День после казни осужденного на смерть”) и “Le dernier jour dun employe” (“Последний день чиновника перед отставкой”). Последняя хороша тем, что недлинна.

⁶⁷В одном весьма занимательном сочинении знаменитого Гёте⁶⁸ сказано, что в Риме художники, делающие мозаические картины, употребляют 13 000 различных красок, из коих каждая имеет 50 оттенков, от самого темного до самого светлого, что составляет 750000 разных теней, весьма легко отличаемых художниками. Казалось бы, что, имея в своем распоряжении 750000 красок, можно передавать во всей

точности всякую живописную картину; но художники, при таком удивительном избытке, жалуются еще на недостаток некоторых необходимых теней.

⁶⁹Английский альманах “The Keepsake” на 1830-й год уже получен здесь, в Петербурге. Издатель г. Рейнольден, как видно, не щадил издержек, чтоб издать сию книжку в самом лучшем виде. В ней помещены сочинения: с. Валтера Скотта⁷⁰ (“The house of Aspen”, трагедия в 5-ти дей.), л. Байрона (письма к разным его приятелям), Кольриджа (“Сон” и еще одно стихотворение), авторов *Хаджи-Бабы*, *Гренба*, *Анастасия* и пр. Прозаических статей в этой книжке 18, стихотворений 24. Наружное достоинство сего альманаха соответствует внутреннему: он украшен 18-ю гравюрами, прекрасными по рисунку и выполнению. Три из них рисованы художником, коего имя (Стефанов) показывает, где было его истинное отечество. Нельзя налюбоваться этими милыми картинками: чистота отделки их достойна всякой похвалы и *эффект* соблюден превосходно, а *эффект* (заметим мимоходом) есть необходимое условие небольших гравюр, прилагаемых к альманахам.